

К о п и я

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

23 марта 1961 года

дер. Суша

Следователь следотделения УКГБ при СМ БССР по Могилевской области лейтенант [REDACTED], допросил в качестве свидетеля-

ЦМЫГ Марию Ефимовну, 1914 года рождения уроженку и жительницу деревни Суша, Кличевского района, Могилевской области, белоруску, беспартийную, гражданку СССР, образование 2 класса, замужнюю, несудимую, рабочую совхоза "Красинский".

Об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний предупреждена по ст.ст. 134 и 136 УК БССР.

ЦМЫГ.
[REDACTED]

Свидетель ЦМЫГ заявила, что она владеет русским языком и желает давать показания на русском языке.

По существу поставленных вопросов показала: Во время Отечественной войны я проживала на оккупированной территории в дер. Вязень, Усакинского сельсовета, Кличевского района. А после того, как наша деревня в 1942 году была сожжена немецкими карателями до прихода Советской Армии жила в лесу в землянке. Об обстоятельствах сожжения дер. Вязень мне известно следующее: В начале мая 1942 года прибыл немецкий карательный отряд и сжег в нашей местности четыре деревни: Вязень, Селец, Ольховку и Сушу. Жители нашей деревни, в том числе и я со своими детьми к приходу карателей ушли в лес. Поэтому лично я карателей не видела. Но слухи тогда ходили, что это был Чечевичский карательный отряд и что партизаны держали тогда с ними бой около деревень Суша, Вязень и Селец. В первый день по рассказам жителей соседних деревень карательный отряд был отбит, а затем на второй или третий день он прибыл с большой силой и партизаны вынуждены были отступить в лес. Сколько дней карательный отряд находился здесь я не помню, но при уходе поджег названные выше деревни. Деревни Вязень и Селец находились в 400 метрах одна от другой и в двух километрах на север от железной дороги Могилев-Осиповичи. Всего в этих деревнях было около 35 домов и все они были карателями сожжены. Из жителей погиб один большой старик АЧИНОВИЧ Евдоким. Труп был сожжен. Останки были обнаружены на пожарище его дома. После сожжения деревень Вязень и Селец люди построили землянки, некоторые в лесу, а другие на пожарище и жили в них. Затем через месяца два, это приблизительно в июле или в начале августа 1942 года началась блокада.

Жители деревень Вязень и Селец скрывались в блокаду от карателей в лесу. Я также была вместе со своими односельчанами. Не помню на который день после того, как начали скрываться, каратели всех нас обнаружили в лесу и сказали, чтобы все шли в Вязень и Селец. Кроме этого, они заявили угрозу, что если кто-либо в лесу останется, то расстреляют. После этого люди возвратились в Вязень и Селец. Те, у которых своих землянок не было, то они поместились у соседей. Я со своими малолетними детьми осталась у ЦМЫГ Емельяна Трофимовича. Он является отцом моего мужа. Хорошо помню, что на третий день как возвратились из леса, я увидела, что немецкие каратели стоняют в одно место людей. Выгоняли они из землянок всех: женщин, детей и стариков. В это время у меня появилась мысль скрыться от карателей. В 200 метрах от Вязень находился лес. И вот я взяла своих детей, возрастом в один и два с половиной года и ползком ушла в лес. В лесу я скрывалась до тех пор пока и не уехали каратели. Когда находилась в лесу, то слышала как в сторону Вязень и Селец раздавались выстрелы. После ухода карателей я встретила своих односельчан АЧИНОВИЧА Ивана Дмитриевича, КРИВОНОСА Василия Михайловича, ЦМЫГА Максима Васильевича и отца своего мужа ЦМЫГА Емельяна Трофимовича. Первый из них скрылся от карателей во ржи, а остальные направлялись карателями в обоз, якобы гнали до Кличева коров, которых забирала каратели. Вместе с ними я разыскивала своих односельчан. Через несколько дней мы разыскали в поле между Вязень и Сельцом яму, в которой находились побитыми жители деревень Вязень и Селец. Яма была засыпана и замаскирована сверху. Песок из ямы был вывезен где-то в другое место. Кто копал яму и закапывал расстрелянных людей я не знаю. Но помню, что у карателей были подводчики из гражданского населения. С одним из подводчиков я разговаривала и он говорил, что из Кировского района. Из какой он был деревни а также как его была фамилия не знаю. Помню, что в то время занимались подсчетом расстрелянных граждан. Было насчитано около 140 человек из двух деревень Вязень и Селец. Из моей семьи никто не помгид. У меня имелось только двое детей, которые были со мной. Но тогда же немецкие каратели расстреляли мать моего мужа, брата, двух сестер и тетю. Также были расстреляны и те граждане, которые пришли из других деревень. Кто непосредственно из карателей расстреливал людей мне неизвестно. Кто такие были каратели, из какого населенного пункта они приезжали и кто ими командовал я также не знаю. Помню только, что среди немцев-карателей были и лица украинской национальности. Притом украинцев было много. Я видела их человек сорок. Они выгоняли меня и остальных людей из леса. Помню, что все и немцы и украинцы носили одну немецкую зеленую форму одежды. Других каких-либо знаков различия я не помню. Слышала ли я ранее фамилию Дирлевангера теперь не помню. После того, как деревни Вязень и Селец сожжены карателями больше они никем не отстраивались. На том месте не сохранилось никаких признаков деревень. Там сейчас сплошное поле и совхоз наш пашет.

Расстрелянные граждане также находятся в той яме, в которой были закопаны карателями.

3.-

Оставшиеся в живых люди тогда же в 1942 году над ямой сделали могилу и посадили деревья. После войны могила была огорожена деревянным забором, но к этому времени он уже сгнил и развалился. Теперь на том месте растут только березы.

Дополнить свои показания ничем не имею. Протокол допроса мне прочитан, записано с моих слов правильно.

ЦМЫГ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ УКГБ ПРИ СМ БССР ПО ПОТИЛЕВСКОЙ
ОБЛАСТИ лейтенант [REDACTED]

ВОПИЯ ВЕРНА: СТ.СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА УКГБ ПРИ СМ БССР
майор [REDACTED]

СПРАВКА: Подлинник находится в архивном ответственном деле
№ [REDACTED] по обвинению [REDACTED] и
других, которое хранится в УАО КГБ при СМ БССР.

Центральный архив КГБ Республики Беларусь